

Небесные знамения в Новгородской первой летописи старшего извода

О.Е. Еремкина

*преподаватель истории Подхоженской средней образовательной школы
Московской обл. Серебряно-Прудский район, ooollsss@rambler.ru*

В статье анализируются тексты Новгородской Первой летописи старшего извода, которые касаются небесных явлений, воспринимаемых и интерпретируемых летописцами как знамения

Ключевые слова: Новгородская Первая летопись старшего извода, небесные явления, знамения.

Для цитаты: Еремкина О.Е. Небесные знамения в Новгородской первой летописи старшего извода [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2014. №2. URL: <http://langpsy.ru/journal/2014/2/Nurmuhhmetov.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)
Eremkina O.E. Heavenly signs in the First Novgorod Chronicle older izvod Jelektronnyj resurs «Jazik I tekst langpsy.ru», E-journal «Language and Text langpsy.ru», 2014. no. 2. Available at: <http://langpsy.ru/journal/2014/2/Nurmuhhmetov.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Тема небесных явлений в русских летописей, воспринимаемые нашими предками как знамения, разработана недостаточно, хотя целый ряд исследований может быть положен в основу дальнейшего ее изучения. В настоящий момент не утратили своего значения до наших дней работы по астрономии Древней Руси Д.О. Святского «Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения (1915), а также «Очерки истории астрономии Древней Руси». Д.О. Святский при помощи научно-критического разбора летописных заметок о солнечных и лунных затмениях, кометах, падающих звездах, солнечных пятнах, северных сияниях и др. астрономических явлениях составил справочник, полезный при выяснении календарных дат, вопросов хронологии, территории, на которых могло бы наблюдаться данное явление, наконец – степени достоверности самих астрономических текстов летописей. По мнению Святского, наши летописи содержат в себе богатый, правдивый и часто очень важный астрономический материал. Наши летописцы в полном смысле слова были первыми русскими астрономами. По сравнению с западными хрониками в них содержится много нового и интересного. Но в то время как, например, свидетельства западных хронистов о солнечных затмениях тщательно собраны и обработаны для теории Луны, записи наших летописцев до сих пор игнорировались. Это же необходимо сказать и о кометах, на что, впрочем, уже было обращено внимание [7, с. 26].

Основательный и достаточно полный труд посвятил знамениям в русских летописях А.В. Лаушкин. В своей статье «Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XII вв.» исследователь сделал ряд интересных наблюдений. В частности А.В. Лаушкин обратил внимание на христианскую трактовку летописцем природных явлений, и знамений, в частности. По мнению исследователя «критерием истинности знамений летописцы считали его подчеркнутую явственность (это не сон и не видение), открытость для наблюдения большому количеству людей». А.В. Лаушкин пришел к выводу, что знамения, согласно представлениям летописцев, не имели фатального характера, а являлись

«лишь инструментами в руках Бога, который с их помощью хочет вразумить людей и привести их к исправлению, и в зависимости от реакции последних может или излить обещанный в знамениях гнев, или остановить его». Отметил историк и большую долю осторожности в трактовке неизвестных явлений летописцем: она всегда производилась «post factum, когда смысл знамения уже прояснился» и, как правило, сводилась к определению «на добро» или «на зло» произошло то или иное явление. Тем не менее, А.В. Лаушкин попытался проиллюстрировать зависимость определенного вида знамений (солнечные и лунные знамения, оптические явления (галло и северные сияния), падение комет, метеоритов, звездные дожди, розы, землетрясения и пр.) от его трактовки [2, с. 37–58]. Существенную роль в «расшифровке» знамений исследователь отводил также эсхатологическим ожиданиям. В целом, работа А.В. Лаушкина охватывает значительный пласт явлений трактуемых летописцем как знамения, выявляя их общие закономерности.

Нельзя не отметить работу А.А. Шайкина «Сица знаменья не на добро», которая посвящена знамениям, отмеченным летописцем в «Повести временных лет». В данной работе А.А. Шайкин приходит к выводу, что преобладающим в «Повести временных лет» является тот взгляд, что знамения предвещают что-либо недоброе. Шайкин отмечает, что летописец стремился к цельной картине мира: происходящее и с людьми, и около них, в природе, должно иметь свои причины и следствия. Высшей инстанцией событий, как людских, так и природных, являются силы божественные. В лунных и солнечных затмениях, пролетах комет, неясных огненных явлениях в атмосфере и т. п. люди средневековья непременно видели «перст Божий». Описания необычных явлений в «Повести временных лет» достоверны. Создатели ранней русской летописи отличались трезвостью мысли, не увлекались вымыслами, стремились к документальности своих сведений. Интерпретация такого рода явлений в летописи принадлежит истории, но фактическая сторона заслуживает доверия и сегодня [9, с. 109].

Рассмотрению материала о природных явлениях посвятил четвертую главу своей докторской диссертации «Древнерусские летописи XI–XIII вв.: Вопросы поэтики» А.А. Пауткин. Пауткин отмечает, что русские летописи донесли до нас немало известий о природных явлениях. Древних авторов интересовали преимущественно исключительные стихийные проявления, несшие в себе символический смысл и воспринимавшиеся как предзнаменования. Среди возможных знамений, отраженных в летописях, выделяются небесные и земные. Автор приходит к выводу, что главное внимание книжники уделяли образам видимого неба. Затмения, кометы, необычная окраска облаков и светил, оптические явления атмосферного происхождения фиксировались летописцами разных столетий.

Т.В. Гимон также не оставил без внимания тему знамений в своей статье «Новгородское летописание XII–XIII веков. По мнению Гимона, в обширной научной литературе, посвященной русскому летописанию, почти полностью отсутствуют исследования, посвященные тому, о чем писали древнерусские летописцы, т. е. принципам отбора событий для фиксации. Между тем, аспект этот важен, поскольку может помочь в ответе на ряд общих вопросов. Что летописцы считали значимым и достойным сохранения в памяти? Какова была система их приоритетов? А это прямой выход на картину мира средневекового человека.

Выбор для исследования Новгородской первой летописи старшего извода определяется, с одной стороны, большим вниманием новгородских летописцев к этой сфере жизни, с другой – ранней датировкой памятника. Кроме того, важно, что велась она как анналы, из года в год, в то время как другие летописи дошли до нас в виде сводов, где современные записи зачастую претерпевали существенную позднюю редактуру.

Всего в Синодальном списке Н1 обнаружено 19 известий, описывающих небесные знамения. Из них первые два сообщения относятся еще к Начальному своду.

Наиболее частое небесное явление, описанное новгородским летописцем, – это солнечные затмения. В данной статье рассматривается 12 таких примеров (6623, 6632, 6639,

6641, 6648, 6693, 6695, 6738, 6745, 6779, 6829, 6839).

Под 6623 годом летописец описывает полное затмение солнца 23 июля 1115 г. [6, с. 188]. «Въ лѣто 6623. Въ то же лѣто бысть знамение въ солнци, якоже погыбе. А на осень прѣставися Ольгъ, сынъ Святославль, августа въ 1. А Новѣгородѣ измъроша коня вся у Мъстислава и у дружины его» [4, с. 20]. В данном сообщении новгородский летописец не просто описывает «знамение въ солнци», но и связывает это знамение со смертью князя Олега Святославовича и эпизоотией.

Под 6632 описывается полное затмение солнца 11 августа 1124 года. «Въ лѣто 6632. Мѣсяця августа въ 11 день, передь вечернею, почя убывати солнця, и погыбе всѣ; о, великъ страхъ, и тьма бысть, и звѣзды быша и мѣсяць; и паки начя прибывати, и въбързѣ напълнися; и ради быша вси по граду» [4, с. 21]. Летописец сообщает подробно дату и описывает детально само затмение: «и тьма бысть, и звѣзды быша и мѣсяць». Так же мы видим, что такие знамения вызывают у людей «великъ страхъ».

В сообщении 6639 года, как и в предыдущем, описывается полное затмение солнца: «Въ лѣто 6639. Бысть знамение въ солнци, въ вечернюю, марта въ 30. Томъ же лѣтѣ, на зиму, иде Всѣволодъ на Чюдъ; и створися пакость велика: много добрыхъ мужъ избиша въ Клинѣ новѣгородьць, мѣсяця генъваря въ 23, въ субботу» [4, с. 22]. Дата, указанная летописцем, полностью соответствует данным астрономов [7, с. 44], благодаря чему мы можем отнести известие к 1131 году. Хотя в тексте статьи знамение явно связывается с неудачным походом: «и створися пакость велика», - полная дата дает возможность утверждать, что поход был совершен на три месяца раньше.

В сообщении 6641 года, в отличии от двух предыдущих, указано только само событие, без указания на дату: «Въ лѣто 6641. Бысть знамение въ солнци прѣдъ вечернею. Томъ же лѣтѣ, на зиму, иде Всеволодъ съ новгородьци на Чюдъ, и взя городъ Гюргевь, на память святого Никифора, февряря въ 9 день» [4, с. 23]. Д.О. Святский отмечает, что в данной погодной записи говорится о полном затмении солнца, которое происходило 2 августа данного года [7, с. 44]. А значит к походу Всеволода, о котором говорится в этой же статье, данное знамение не имеет отношения, так как он произошел зимой того же года.

Описывая затмение солнца 6648 года, летописец говорит о нем без комментариев, отмечая его лишь как факт собственных наблюдений: «Въ лѣто 6648. Въ 20 марта бысть знамение въ солнци, и толико оста его, якоже бываетъ мѣсяць 4 днии, и паки до захода напълнися» [4, с. 25]. Д.О. Святский отмечает, что полоса полного затмения проходила от нынешней Восточной Пруссии через Витебск, Москву (центрально) и обрывалась, не доходя до Казани. В Новгороде, согласно летописной записи, затмение было не полным, и фаза его равнялась 4-х дневному месяцу. Затмение закончилось еще до захода солнца.

Под 6693 годом новгородский летописец описывает полное затмение солнца 1 мая 6693 года: «Въ лѣто 6693. Маия въ 1 день, въ час 10 дни, яко въ звонение вечернее, солнце помърче, яко на часу и боле, и звезды быша, и паки просветися, и ради быхомъ» [4, с. 37]. Д.О. Святский отмечает, что все летописные записи затмения 6693 г. (за исключением Ипатьевской летописи) очень сходны между собою и, вероятно, представляют собой не более, чем варианты одной какой-нибудь первоначальной записи, на его взгляд, читаемой в Лаврентьевской. Все они повествуют о полном затмении: сделалось очень темно и на небе появились звезды. А так как затмение описано как полное, то в Новгородской области, очевидно, и было сделано наблюдение и сама запись об этом затмении. В Ипатьевской же летописи оно описано в том виде, как наблюдалось на берегу р. Донца, в нынешней Курской обл, где затмение было частным (солнце стояло как месяц). В Слове о полку Игореве, также упоминается о солнечном затмении, но автор-поэт Слова относит его еще к тому времени, когда войска только собирались выступить в поход: «Тогда же Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и виде отъ него тьмою вся своя воя прикрыта» [8, с. 11]

Под 6695 годом новгородский летописец описывает полное затмение солнца 9 сентября 6695 года: «Въ лѣто 6695.Томъ же лѣтѣ бысть знамение въ солнци въ полъдни , и бысть яко мѣсяць, и съмерчеся, и по мале времени напълнися и паки просвѣтися, мѣсяця септября въ 9» [4, с. 38]. Однако Н.Г. Бережков в своей работе «Хронология русского летописания» считает дату 9 сентября ошибочной и указывает дату 4 сентября [1, С. 23], ошибка палеографического характера, поскольку буквы добро и фита могли быть спутаны. Д.О. Святский также отмечает, что полное затмение солнца 6695 года произошло 4 сентября и проходило своей полосой со Скандинавского полуострова, где на берегу нынешней Швеции против острова Готланда затмение было ровно в полдень, - к Черному морю, через пределы Галиции. Н1Л, отмечая частное затмение полуднем, очень близка к действительности, так как для Новгородской области середина затмения была вскорости после полудня [7, С. 50].

Под 6738 годом новгородский летописец описывает ряд знамений, после которых наступил великий голод. «Въ лѣто 6738. Трясеся земля въ пятък по велицѣ дни 5 недѣли, въ обѣдѣ, а инии уже бяху отобѣдали. То же, братье, не на добро, на зло; грѣхъ дѣля нашихъ Богъ намъ знаменія кажетъ, да быхомъ ся покаjali от грѣхъ нашихъ. Колику Богъ наведе на ны смерть тои весны, да то мы видяще, не разумѣхомъ своя погыбели, нъ скорѣиши быхомъ на зло. Того же лѣта солнче помърце мая въ 14, на святого Сидора, въ уторник, въ срьдѣ утра, и бы акы въ 5 ноции мѣсяць, и опять напълнися, и ради быхомъ небози. Того же Богъ видя наша безаконія и братоненавидение и непокорение друг къ другу и зависть, и крестомъ вѣррящеса въ лжю, егоже ангели не могутъ зрѣти и многоочити, крылы закрываються, того же мы, въ рукахъ държаще, сквѣрньны усты цѣлуемъ; и за то Богъ на нас поганяя навѣдѣ, и землю нашу пуну положиша; а иное сами не блюдуче, без милости истеряхомъ свою власть, и тако бысть пунта: и тако ны Господь Богъ възда по дѣломъ нашимъ. Изби мразъ на Въздвигение четьнаго хреста обилье по волости нашей, и оттолѣ горе уставися велико: почахомъ купити хлѣбъ по 8 кунѣ, а ржи кадъ по 20 гривенѣ, а въ дворехъ по пол-30, а пшеницѣ по 40 гривенѣ, а пшена по 50, а овсѣ по 13 гривен. И разидеся градъ нашъ и волость наша, и полни быша чюжии гради и страны братье нашей и сестрѣ, а останкѣ почаша мерети. И кто не прослызится о семь, видяще мъртвця по уличамъ лежаща, и младѣнца от пьсь изедаемы. И вѣложи богъ въ сердце благое створити архепископу Спуридону: и постави скуделницу у святыхъ Апостолѣ, въ ямѣ, на Просьской улици; и пристави мужа блага, смерена, именемъ Станила, возити мъртвця на кони, кде обидуце по городу; и тако беспрестани по вся дни влачаше, и напълни до върха, иже бысть в ней числомъ 3000 и 30» [4, с. 69]. Первым знамением было землетрясение. А.В. Лаушкин отмечает, что это землетрясение было самым крупным из всех описанных в летописях [2, с. 53]. Подземные удары ощущались на огромной территории от Новгорода до Киева, имелись разрушения. Владимирского летописца, описавшего это событие, явно поразили символические совпадения: во Владимире первый толчок пришелся на момент, когда в соборе во время литургии читалось Евангелие, а в Киево-Печерском монастыре, в котором церковь «на 4 части раступися» и обломки камней засыпали накрытые в трапезной столы, в этот день отмечался большой праздник, собравший много народа,- память основателя обители преподобного Феодосия [5, стб. 454] . Новгородский же летописец пишет по поводу произошедшего: «То же, братье, не на добро, на зло; грѣхъ дѣля нашихъ Богъ намъ знаменія кажетъ, да быхомъ ся покаjali от грѣхъ нашихъ». Далее последовало второе знамение в виде затмения солнца. Д.О. Святский отмечает, что действительно 14 мая 6738 года произошло полное затмение солнца [7, с. 53]. Видимо, таким образом, по мнению летописца, Бог давал возможность новгородцам покаяться в грехах и исправиться. Но так как раскаяния не было, последовало наказание: «Изби мразъ на Въздвигение четьнаго хреста обилье по волости нашей, и оттолѣ горе уставися велико».

Под 6745 г. летописец описывает знамение в солнце. «В лѣто 6745. Бысть знамение въ солнци мѣсяця августа въ 3 день, на память святых отецъ Далмата, Фауста, Исакия, въ уденье; бысть таково знамение: тма бысть въ солнци съ запада, акы мѣсяць бысть въ 5 ноции, а съ востока свѣтло, и опять со вѣстока тма бысть такоже, акы мѣсяць 5 ноции, а с запада свѣтло, и

такое исполнилось опять. Того же лета придоша в силѣ велицѣ Нѣмци изъ заморья в Ригу, и ту совкупившеся вси, и рижане и вся Чюдская земля, и плъсковичи от себе послаша помощь мужь 200, идоша на безбожную Литву; и тако, грѣхъ ради нашихъ, безбожными погаными побѣдени быша, придоша кождо десятынъ въдомы своя. Того же лета приде митрополитъ Гръчинъ изъ Никѣя въ Киевъ, именемъ Есифъ» [4, с. 74]. Д.О. Святский отмечает кольцеобразное затмение солнца в 6744 году, т.е. годом раньше [6, с. 55]. Н. Бережков также отмечает, что события 6745 и 6746 годов соединены в одной статье [1, с. 33]. Возможно летописец специально объединил их в одну статью, как бы показывая связь событий. Интересно также, как он описывает само затмение: «тма бысть въ солнцѣ съ запада, акы мѣсяць бысть въ 5 нощи, а съ востока свѣтло, и опять со востока тма бысть такоже, акы мѣсяць 5 нощи, а с запада свѣтло, и тако исполнилось опять». То есть сначала пришла «тьма» с запада, а потом с востока. Далее летописец описывает нашествие немцев и делает выводы, что произошло это «грѣхъ ради нашихъ». А под следующим 6746 годом мы читаем: «в то лето придоша иноплемьеници, глаголемии Татарове, на землю Рязанскую, множество бещисла, акы пружи; и первое пришедше и сташа о Нузлѣ, и взяша ю, и сташа станомъ ту» [4, с. 74]. Таким образом, по мнению летописца, затмение солнца полностью соответствовало последующим событиям, нашествию как с запада, так и с востока.

Следующее затмение солнца датируется 6779 годом: «В лето 6779. Померче солнце въ 5-ю недѣлю поста средѣ утра и паки ыаполнися, и ради быхом» [4, с. 89]. Д.О. Святский отмечает, что действительно было кольцеобразное затмение, но произошло оно 23 марта 6778 года, а не в 6779 году, как было указано летописцем. Затмение было в четвертую неделю, т. е. в воскресенье великого поста, которое падало на 23 марта 6778 года, потому что пасха в этом году была 13 апреля. В 6779 году на Руси затмения не было вообще [7, с. 56]. Здесь можно предположить, что летописец намеренно записал знамение годом позже, что бы показать, что затмение предзнаменовало смерть великого князя и последовавшие за этим события. В сообщении следующего года, мы читаем: «В лето 6780. Преставися князь великий Новгородский Ярославъ Ярославичъ в Татарѣхъ, и положиша и въ Тѣфѣри у святою Козмы и Демьяна. И присла Дмитрии князь послы своя в Новѣгород с поклономъ, хотя състи в Новѣгородѣ; а Василии Ярославичъ такоже присла с поклономъ, хотя състи на столѣ. И сташа обои послы на Ярославли дворѣ; новгородци же съ посадникомъ Павшею яшася по Дмитрия и послаша по него. Того же лета приѣха князь Дмитрии Александрович в Новѣгород и съде на столѣ мѣсяца октября въ 9» [4, с. 89]. Возможно, два года между двумя событиями, затмением солнца и смертью великого князя, слишком большой промежуток времени, чтобы показать их взаимосвязь. Кроме того, взаимоотношения Ярослава Ярославича с Новгородом были далеко не однозначными. Впрочем, Н.Г. Бережков объясняет хронологическую нестыковку тем, что запись сделана по ультрамартовскому стилю (по мартовскому – 6768 год) [1, с. 264].

В сообщении 6829 года летописец рассказывает о затмении солнца: «В лето 6829. Того же лета, мѣсяца июня 26, бысть знамение въ солнцѣ пред обѣднею: чисту сущю небу, внезапно померче солнце яко на час, и бысть яко мѣсяць 5 нощи, и тма бысть яко в зимнюю ночь, и паки наиолнися по малу; и ради быхом» [4, с. 96], но Д.О. Святский утверждает, что новгородский летописец не мог наблюдать такого затмения, находясь в Новгороде. Полоса кольцеобразно-полного затмения 26 июня 6829 года проходила близ Смоленска и далее шла на Тверь и Кострому. Следовательно, фаза, отмечаемая Новгородской I летописью – «яко мѣсяць 5 нощи» подходила только для Киевской области, которая была наиболее удалена от полосы кольцеобразно-полного затмения к югу [7, с. 57], и в таком случае запись этой летописи, если только не является простым преувеличением, могла быть сделана на основании информации, полученной от южнорусских информаторов. Может быть, поэтому летописец, называя затмение солнца знамением, не приводит событие, с которым оно связано.

Под 6839 годом летописец описывает полное затмение солнца: «В лето 6839. Мѣсяца ноября въ 30, на память святого апостола Андрѣя, бысть помрачение въ солнцѣ и стоя от 1-го

часа до 3-го» [4, с. 99]. Д.О. Святский также отмечает, что полное солнечное затмение произошло 30 ноября 6839 года, начиналось у Онежского озера, и полоса его пересекала Вологодскую и Нижегородскую обл., проходя далее севернее Каспийского моря. Солнце восходило 30 ноября 6839 года в Новгороде около времени наибольшей фазы [7, с. 58]. Интересно, что летописец, описывая это затмение, не только не связывает его с каким-то конкретным событием, но даже не называет его знаменем. Летописец вновь предстает не историком, а пытливым естествоиспытателем.

Как мы могли заметить из приведенных выше примеров, затмения солнца вызывали у людей сильный страх. К примеру, под 6632 годом летописец, описывая солнечное затмение, добавляет «о, великъ страхъ, и тъма бысть, и звѣзды быша и мѣсяць». После окончания затмения, по свидетельству новгородских летописцев, люди испытывали облегчение. Так практически после каждого рассмотренного нами сообщения о затмении, мы читаем: «и ради быша вси по граду». Так же среди перечисленных нами двенадцати солнечных затмений одно (6623) летописец связывает с конкретным событием, а именно со смертью князя Олега Святославовича и эпизоотией: «Въ то же лѣто бысть знамение въ солнци, якоже погыбе. А на осень прѣставися Ольгъ, сынъ Святославль, августа въ 1. А Новѣгородѣ измъроша коня вся у Мъстислава и у дружины его». А.В. Лаушкин обращает внимание на то, что почти во всех случаях, когда летописцы ищут конкретное следствие солнечного затмения, они указывают на чью-то смерть. Интересно и то, что вслед за известными о солнечных затмениях в летописях особенно часто читаются сообщения о кончинах князей или владык, хотя формальной связи между этими событиями летописцы не проводят. Безусловно, учитывая сложную историю летописных текстов, контекстные сближения сами по себе не могут служить серьезным доказательством, однако внимание на эти сближения обратить все же стоит [2, с. 45].

Однако не только со смертью князей новгородский летописец связывает данные знамения. Так под 6639 годом вслед за солнечным затмением упоминается крайне неудачный поход новгородцев на чудь, во время которого «много добрых мужъ избиша», а под 6745 годом – известие о крупном поражении, понесенном новгородцами и их союзниками во время похода на Литву.

Намного реже, чем о солнечных, сообщается о лунных затмениях. Всего в данной статье рассмотрено три таких явления (6625, 6657, 6767).

В сообщении датированном 6625 года, скорее всего, сообщается о полном лунном затмении в 1117 году: «Въ лѣто 6625. Въ то же лѣто бысть знамение Новѣгородѣ въ святѣи Софии от грома, мѣсяця мая въ 14, въ час 10: вечерню поющимъ, единъ от дьякъ заражень бысть от грома, а клирость вьсь съ людьми падоша ници, нъ живи быша. А на вечеръ бысть знамение въ лунѣ. Въ то же лѣто игуменъ Антонъ заложи церковь камяну святыя Богородица монастырь. Въ се же лѣто прѣставися Добрына, посадникъ новгородьскыи, декабря въ 6» [4, с. 20]. Хотя само явление было месяцем позже описываемого события – 16 июня [7, с. 43], возможно, это было какое-то другое атмосферное явление. Трудно сказать связывал ли летописец знамение в луне со смертью посадника. Ведь сообщение о смерти посадника Добрыни следует не сразу после сообщения о знаменении. И сам летописец не делает на это никаких указаний. Полагаю, что летописец в данном случае воздержался от анализа смысла данного знамения. Судя по указанию точного времени, запись современная событию, возможно, ее автор мог думать, что смысл его еще предстоит узнать в будущем.

Запись о лунном затмении 6657 года «Въ лѣто 6657... Тои же ноци бысть знамение въ лунѣ: вся погыбе, въ заутрѣнюю паки напѣлнися, феурар» [4, с. 28] есть только в Н1 старшего и отсутствует в списках младшего извода. Д.О. Святский отмечает, что в феврале не было полных лунных затмений в ближайшие годы. Затмение 26 марта не было полным, полным было затмение 15 марта 1150, но в полную фазу оно вступило после восхода солнца. Скорее всего, в Синодальный список эта фраза попала случайно от другого года. Наиболее вероятный

кандидат – затмение 12 февраля 1161 года, описанное многими летописями и пропущенное в Новгородской [7, с. 145-146]. Однако, временная погрешность в этом случае представляется слишком значительной. Гораздо убедительней точка зрения Н.Г. Бережкова, который считает, что здесь ошибка допущена в месяце, а имеется в виду затмение 15 марта 1151 года [1, с. 244].

Следующее сообщение о затмении луны описано летописцем под 6767 годом: «В лѣто 6767. Бысть знамение в лунѣ, яко ни знаменія не бысть. Тои же зимы приѣха Михаило Пинециничъ из Низу со лживымъ посольствомъ, река тако: «аже не иметеса по число, то уже полкы на Низовьской земли»; и яшася новгородци по число. Тои же зимы приѣхаша оканьнии Татарове сыродци Беркаи и Касачикъ с женами своими, и инѣхъ много; и бысть мятежь великъ в Новѣгородѣ, и по волости много зла учиниша, беруче туску оканьнымъ Татаромъ. И нача оканьнии боятися смерти, рече Олександрю: «даи намъ сторожи, ать не избыють нас». И повелѣ князь стеречи их сыну посадничю и всѣмъ дѣтемъ боярьскимъ по ночемъ. И рѣша Татарове: «даите намъ число, или бѣжимъ проче»; и чернь не хотѣша дати числа, но рѣша: «умремъ, честно за святую Софью и за дома ангельскыя». Тогда издвоишася люди: кто добрыхъ, тотъ гю святой Софьи и по правои вѣрѣ; и створиша супоръ, вятшии велятся яти меншимъ ло число. И хотѣ оканьнии побѣжати, гонимъ святымъ духомъ; и умыслиша свѣтъ золь, како ударити на городъ на ону сторону, а друзии озеромъ на сю сторону; и възъбрани имъ видимо сила Христова, и не смѣша. И убоявшеся, почаша ся возити на одну сторону къ святой Софьи, рекуще: «положимъ главы своя у святой Софьи». И бысть заутра, съѣха князь с Городища, и оканьнии Татарове с нимъ; и злыхъ свѣтомъ яшася по число: творяху бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло. И почаша ѣздити оканьнии по улицамъ, пишуче дома христьянскыя: зане навелъ богъ за грѣхы наша ис пустыня звѣри дивияя ясти силныхъ плѣти и пити кровь боярьскую; и отѣхаша оканьнии, вземше число, а князь Олександръ поѣха послѣ, посадивъ сына своего Дмитрия на столѣ. Того же лѣта, на канунъ 1 Бориша дни, бысть мразъ великъ по волости; но господь не хотя мѣста сего святой Софьи оставити пуста, отврати ярость свою от нас и призрѣ окомъ милосердия своего, кажа нас на покаяние; но мы грѣшнии акы пси обращаемъся на своя бльвотины, не помышляюще казни Божия, яже на ны приходитъ за грѣхы наша» [4, с. 82-83]. Новгородский летописец, описывая затмение луны, делает оговорку «яко ни знаменія не бысть». Д.О. Святский странное замечание тем, что «луна вся затмилась» [7, с. 152]. Но, может быть, эти слова можно понять, как «никогда такого не бывало». Также летописец сообщение о затмении луны выносит в начало года. Поэтому можно предположить, что это знамение связано как с мятежом в Новгороде («и бысть мятежь великъ в Новѣгородѣ, и по волости много зла учиниша, беруче туску оканьнымъ Татаромъ»), так и морозом («бысть мразъ великъ по волости»). Тем более, что далее мы читаем: «но мы грѣшнии акы пси обращаемъся на своя бльвотины, не помышляюще казни Божия, яже на ны приходитъ за грѣхы наша». То есть, как мы уже видели в других примерах, сначала Богом дается знамение, что бы люди покались и исправились, а потом, если этого не произошло, насылается наказание.

А.В. Лаушкин отмечает, что лунные затмения воспринимались летописцами примерно также как и солнечные, то есть в качестве плохих предзнаменований, одним из значений которых может быть указание на чью-то смерть [2, с. 47]. Так под 6625 годом после сообщения о затмении луны следует сообщение о смерти новгородского посадника Добрыни. Хотя, как уже было сказано выше, вопрос о связи двух данных событий является спорным.

Так же вызывало живой интерес у летописцев и, по их мнению, не предвещало ничего хорошего появление комет. Новгородским летописцем было описано два таких события под 6536 и 6573 гг.

«Въ лѣто 6536. Знамение змиево на небеси явися» [4, с. 16]. В данной записи летописец лишь сообщает о необычном явлении, видимо желая оставить это в памяти своей и потомков. Для сравнения обратимся к тексту ПВЛ: «В год 6536. Знамение змиево на небе явися, яковидете всей земли». То есть в ПВЛ отдельно отмечается, что видели эти явление по всей земле.

Видимо, исходя из первичности этого текста А.А. Шайкин считает, что это знамение предсказывает смерть Болеслава и большие нестроения у поляков, которые начинаются только через два года [9, с. 107]. В варианте ПВЛ эту статью представляет С.М. Михеев в своей рабочей реконструкции Свода Никона [3, с. 245]. Трудно сказать, что это было за небесное явление, т. к. данные о нем имеются лишь в летописях и не описаны астрономами. Возможно, речь в данном случае идет о комете, метеорите или аэролите. Д.О. Святский считает вопрос о природе данного явления спорным, так как именно метеориты и кометы назывались в летописях огненными змеями, в то же время, данное явление более местное, нежели комета, которую действительно можно «видете всей земли» [7, с. 188].

«Въ лѣто 6573. Почя Всѣславъ рать дрѣжати; и на западѣ явися звѣзда велика» [4, с. 17]. В сообщении, видимо, описана комета Галлея 1066 года, появлявшаяся вечером согласно китайским и европейским хроникам и в соответствии с астрономическим расчетом с 24 апреля и наведшая ужас на Европу. Опять же как и в предыдущем сообщении, летописец только передает данные о самом событии. Поэтому мы обратимся к младшему изводу Новгородской первой летописи, отражающему на этом участке текст Начального свода: «В сеже времябысть знамение на западѣ: звѣзда привелика, луцѣ имуши акы кровавы, вѣсходящис вечера по заходѣ солнечьномъ; пребысть же днии 7. Се же проявляше не на добро: по семъ бо быша усобица многы и нашествие поганых иа Рускую землю; сиа бо звѣзда бысть акы кровава, проливаючи кровопролитие. В се же время бысть дѣтище ввержено в Сѣтомль; сего же дѣтища вывлекоша рыболовы в неводѣ, егоже позоровахомъ до вечера, и паки ввергоша и в воду, понеже бо бысть у дѣтища того срамнии удове на лица его, и иного нелзѣ бяше сказати срама ради. Пред сим же временемъ и солнце премѣнися, и не бысть свѣтло, нь якоже мѣсяць бысть, егоже невѣгласи глаголют снѣдаемому суцу. Се же бывают сица знамениа не на добро» [4, с. 184]. Как мы видим, в Начальном своде (как и в ПВЛ) рассказ о знамении дан подробно. Следовательно, сокращение произошло именно при составлении Синодального списка. Так же составитель Начального свода говорит об отрицательном значении этих знаков: «Се же бывают сица знамениа не на добро» и объясняет читателю, почему он пришел к такому выводу: «по семъ бо быша усобица многы и нашествие поганых иа Рускую землю; сиа бо звѣзда бысть акы кровава, проливаючи кровопролитие». То есть в Начальном своде летописец не только пытается дать оценку данного явления, но и связывает его с конкретными событиями. А.А. Шайкин в своей статье «Сица знаменья не на добро» связывает знаменья данного года, а также обратное течение реки 6571 года, рассмотренное нами в первой главе, с началом межкняжеской борьбы шестидесятых годов XI века [9, с. 105]. Так в 6572 году Ростислав Владимирович, один из обездоленных внуков Ярослава (Мудрого), убегает вместе с видными новгородцами Пореем и Вышатой в Тмутаракань и изгоняет оттуда Глеба, сына черниговского князя Святослава. Святослав пытается восстановить права своего сына. Ростислав, не пожелав сражаться с дядей, на время покидает город. Дождавшись ухода Святослава, Ростислав возвращается и вторично изгоняет Глеба. В 6574 году греки, опасаясь усиления Ростислава, предательски отравляют его в Тмутаракани. В то же время Всеслав начал военные действия против Ярославичей; и в 6575 году состоялась надолго запомнившаяся кровавая битва на Немиге, после которой Ярославичи заманили Всеслава и заточили его вместе с детьми. А в 6576 (1068) году русские были побеждены половцами на р. Альте, что вызвало череду внутренних потрясений.

И, если в первом случае летописец только сообщает о событии, то во втором он уже дает ему оценку и объясняет, чем эта оценка обоснована. Событие 6536 года можно рассматривать или как падение метеорита, или как звездный дождь. Д.О. Святский отмечает, что след, оставляемый в атмосфере крупными телами, часто принимался за огненного змея [7, с. 188].

Итак, как мы видим, большинство небесных явлений летописцы называли знаменьями Божьими. К сведениям о знаменьях летописцы относились с особой педантичностью. Записи о

произошедшем они делали, как правило, по свежим следам. В известиях о знамениях особенно часто можно встретить указания на точную дату, а порой и час события. А.В. Лаушкин также отмечает, что описания знамений в летописях нередко отличаются крайней детализацией [2, с. 40]. К примеру, под 6693 годом летописец сообщает: «Маия въ 1 день, въ час 10 дни, яко въ звонение вечернее, солнце помърче, яко на часу и боле, и звезды быша». Так же Лаушкин отмечает, что в своем поиске «знаков Божьих» летописцы были осторожны и избирательны, далеко не все, что могло показаться им необычным и таинственным, они относили к рассматриваемому феномену. Эта осторожность была не в последнюю очередь связана с тем, что христианская традиция наряду с истинными чудесами и знамениями, совершающимися по повелению Божию, признает и «ложные», которые христианину следует остерегаться, поскольку их творят нечистые духи, желая обмануть и искушить людей [2, с. 37]. Опасность ошибки заставляла летописцев руководствоваться определенными принципами отбора фиксируемых знамений. Критерием истинности знамения они считали его подчеркнутую явственность (это не сон и не видение), открытость для наблюдения большому количеству людей. К примеру, под 6536 годом летописец подчеркнул: «Знамение змиево на небе явися, яковидете всей земли».

Однако какие бы ассоциации ни вызывали знамения, заключенные в них указания на грядущие события оставались для летописцев всегда загадочными и до конца неясными. Через знамения Бог свидетельствует о себе и своих намерениях, однако тайна этого знаменования может быть разгадана людьми лишь отчасти и далеко не сразу. Летописцы были очень далеки от того, чтобы с помощью знамений предсказывать будущее. В лучшем случае они оставляли на страницах летописи свои суждения, «на добро» или «на зло» происходят различные знамения, чаще всего вообще ограничивались простой фиксацией увиденного или услышанного. В тех редких случаях, когда авторы летописных известий все же решались сообщить читателю собственные предположения о том, что конкретно знаменовало то или иное явление в небе, то делали это после того, как смысл знамения уже прояснился. А.В. Лаушкин отмечает, что столь осторожное отношение летописцев к провиденциальным знакам было вполне закономерным. Ведь чтобы однозначно судить о смысле знамений, необходимо было покуситься на тайну Промысла, «неисповедимых путей Господних», или даже встать на дорогу, ведущую к тяжким церковным преступлениям – «влъхвованию» и «ведовству» [2, с. 41].

Существовало и еще одно обстоятельство, делающее невозможным однозначного предсказание будущего по знамениям для образованного книжника-христианина. А.В. Лаушкин поясняет, что согласно древней традиции, восходящей еще к Ветхому Завету, знамения являются не фатальными знаками, вслед за которыми неизбежно должно последовать то, на что они указывают, а лишь инструментами в руках Бога, который с их помощью хочет вразумить людей и привести их к исправлению, и в зависимости от реакции последних может или излить обещанный в знамениях гнев, или остановить его [2, с. 41].

Мысль, что Бог использует различные знамения сначала для призвания людей к покаянию и лишь после упорного нежелания последних понять эти призывы насылает свой гнев, хорошо видна в сообщении новгородского летописца под 6738 годом: «Трясеса земля въ пятък по велицѣ дни 5 недѣли, въ обѣдѣ, а инии уже бяху отобѣдали. То же, братъе, не на добро, на зло; грѣхъ дѣля нашихъ Богъ намъ знамения кажетъ, да быхомъ ся покаjali от грѣхъ нашихъ. Колику Богъ наведе на ны смерть тои весны, да то мы видяще, не разумѣхомъ своя погыбели, нѣ скорѣиши быхомъ на зло. Того же лѣта солнце помърце мая въ 14, на святого Сидора, въ уторник, въ срьдѣ утра, и бы акы въ 5 ноции мѣсяць, и опять наполнися, и ради быхомъ небози. Того же богъ видя наша безакония и братоненавидение и непокорение друг къ другу и зависть, и крестомъ вѣрящеса въ лжю, егоже ангели не могутъ зрѣти и многоочити, крылы закрываються, того же мы, въ рукахъ държаше, сквѣрньны усты цѣлуемъ; и за то Богъ на нас поганья навѣдѣ, и землю нашу пуну положиша; а иное сами не блюдуче, без милости истеряхомъ свою власть, и тако бысть пунта: и тако ны Господь Богъ възда по дѣломъ нашимъ. Изби мразъ на Въздвигение честваго хреста обилъе по волости нашей, и оттолѣ горе уставися велико».

Литература

1. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1967.
2. *Лаушкин А.В.* Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI-XIII вв. // Русское Средневековье. Вып. 1. Книжная культура. М., 1998. С. 26–58.
3. *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М.: Индрик, 2011.
4. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода / Подг. А.Н. Насонов. М.; Л., 1950).
5. Полное собрание Русских летописей (ПСРЛ) Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. Л., 1926–1928 (фототипич. воспроизведение – М., 1962).
6. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2012. Т. IX.
7. *Святский Д.О.* Астрономия Древней Руси. М.: Русская панорама, 2007.
8. Слово о полку Игореве. М., 1934.
9. *Шайкин А.А.* «Сица знаменья не на добро» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3 (9). С. 105–109.

Heavenly signs in the First Novgorod Chronicle older izvod

Eremkina O.E.

teacher of history Podhozhenskoy Vocational Educational School Moskovskoyvskaya region. Silver Prudsky area, ooolllsss@rambler.ru

The article analyzes the texts First Novgorod Chronicle older izvod that relate celestial phenomena perceived and interpreted as signs chroniclers

Key words: Novgorod First Chronicle senior izvod, celestial phenomena, signs.

References

1. Berezhkov N.G. Khronologiya russkogo letopisaniia. M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1967.
2. Laushkin A.V. Stikhiinye bedstviia i prirodnye znameniiia v predstavleniakh drevnerusskikh letopistsev XI-XIII vv. // Russkoe Srednevekov'e. Vyp. 1. Knizhnaia kul'tura. M., 1998. S. 26–58.
3. Mikheev S.M. Kto pisal «Povest' vremennykh let»? M.: Indrik, 2011.
4. Novgorodskaia pervaiia letopis' starshego i mladshego izvoda / Podg. A.N. Nasonov. M.; L., 1950).
5. Polnoe sobranie Russkikh letopisei (PSRL) T. 1. Lavrent'evskaia letopis'. Vyp. 1–3. L., 1926–1928 (fototipich. vosproizvedenie – M., 1962).
6. Slovar' drevnerusskogo iazyka (XI–XIV vv.). M., 2012. T. IX.
7. Sviatskii D.O. Astronomiia Drevnei Rusi. M.: Russkaia panorama, 2007.
8. Slovo o polku Igoreve. M., 1934.
9. Shaikin A.A. «Sitsa znamen'ia ne na dobro» // Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki. 2002. № 3 (9). S. 105–109.